

Установление времени и места перевода

Возможности установления времени и места переводов ограничены невозможностью извлечь для этого данные из самого содержания произведения¹.

Косвенные показания для определения времени перевода могут быть следующие: цитирование данного перевода в каком-либо датированном памятнике, включение его в состав датированной компиляции, использование в переводе других, датированных переводов и оригинальных памятников и т. п.

Так, например, для определения времени составления перевода Хроники Георгия Амартола существенное значение имеют заимствования из нее в «Повести временных лет» — памятнике начала XII в. Но дело этим не ограничивается. В. М. Истрин обращает внимание на то обстоятельство, что анализ заимствований «Повестью» из хроники доказывает, что эти летописные заимствования двойного происхождения — более раннего и более позднего. «Более поздние заимствования сделаны из полного текста хроники, которую автор Летописи назвал «Летописанием Георгия»; более же ранние заимствования сделаны из особого хронографа, который был составлен русским книжником ранее первоначального свода Летописи и который автором Летописи был назван просто «Летописанием греческим». Этот хронограф в полном виде не сохранился, но им воспользовались позднейшие компилятивные хронографические памятники, именно так называемый «Еллинский летописец» второй редакции и «Хронографические Палеи», причем один из авторов последних назвал его «Хронографом по великому изложению», т. е. по Хронике Георгия Амартола. Анализ Летописи приводит далее к заключению, что первоначальный ее свод составлен в начале 2-й половины XI века при князе Изяславе. Следовательно, «Хронограф по великому изложению» в это время уже существовал, и, следовательно, Хроника Георгия Амартола, по которой составлен Хронограф, существовала по крайней мере в конце первой половины XI века. Это определение времени приводит к периоду литературной и переводческой деятельности кн. Ярослава, о которой говорит русский летописец под 1037 г. По словам летописца, поместившего под этим годом похвалу просветительной деятельности кн. Ярослава, эта деятельность выразилась, между прочим, в переложении книг «от грек на словѣньское писмо». В 1037-м году произошло очень важное событие для русской церковной жизни, а отсюда и для просвещения и развития литературы: в этот год была учреждена русская митрополия, заложена церковь Св. Софии и прибыл греческий митрополит.

¹ Содержание переводного произведения должно непременно приниматься во внимание для определения «созвучия» его времени, когда перевод сделан (и, следовательно, отчасти для выявления причин перевода). Однако в целом опираться при определении времени перевода только на эти «созвучия» отнюдь не следует. Говорить о «созвучиях» перевода тем или иным идеям эпохи мы можем только тогда, когда время перевода выяснено по более надежным основаниям.

Несомненно, с митрополитом должен был прибыть целый греческий клир, который и привез с собой собрание книг для перевода»¹.

Иногда указание на время и место перевода встречаем в глоссах переводчика. Так, например, все списки «Космографии» Ортелиуса в главе об Азии имеют фразу: «...до державы великого государя царя и великого князя Василия Ивановича всея Руси, его великого государства». Есть указания на Москву: «Камень копают, который на Москве нарицают аспид»².

Если в переводе нет обычных прямых и косвенных указаний на место и время перевода, которые могут быть извлечены из содержания памятника, и отдельных замечаний переводчика, то наиболее весомые указания извлекаются из анализа языка перевода. Эти указания могут быть усмотрены в лексике и в формах языка, свойственных той или иной эпохе, и в диалектизмах.

Так, например, частные лексические совпадения «Девгениева деяния» с южнорусскими летописями XII — начала XIII в. позволили М. Н. Сперанскому обосновать свое предположение о том, что перевод «Девгениева деяния» был сделан еще в домонгольской Руси на юге или юго-западе³.

С летописным языком сравнивал язык перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия и И. И. Срезневский, определяя его русский характер и древность⁴. Окончательные доказательства русского домонгольского (не позднее XII в.) происхождения перевода «Истории Иудейской войны» дал Н. А. Мещерский и, опять-таки, по преимуществу на основании данных лексики⁵.

В целом приходится повторить то, что было сказано ранее: исследователь переводных произведений должен быть хорошо знаком с историей языка.

Установление оригинала, с которого сделан перевод

Одна из самых трудных проблем в изучении переводных произведений — это проблема установления того текста, с которого делался перевод. Применительно к своему материалу И. Е. Евсеев пишет: «Только через

¹ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. С. 465. См. также: О. В. Творогов. Древнерусские хронографы. Л., 1975. Гл. 2 и 5.

² А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. С. 58—59.

³ М. Сперанский. Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности. Исследование и тексты. С. 78 и др.; В. Д. Кузьмина. Девгениево деяние (Деяние прежних времен храбрых человек). М., 1962. С. 59—89.

⁴ И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, XXXI—XC. СПб., 1879. С. 133—144.

⁵ Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. С. 90—121.